

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

Высшее образование на английском языке как языке-посреднике: качество под вопросом

Клод Трюшо*, 21 ноября 2010г.

Статья переведена с французского языка на русский Натальей Баландиной

L'article traduit du français vers le russe par Natalia Balandina

Специалист по английскому языку и литературе, социолингвист, автор излагает здесь, возможно, «политически некорректную», но вполне аргументированную точку зрения по вопросу использования английского в качестве языка-посредника в европейском высшем образовании. Таким образом, Клод Трюшо надеется положить начало дискуссии. Возможен иной подход к языкам.

Глобализация, университеты и языки

Мировой рынок знаний

Если научно-технический прогресс обеспечил развитие «общества знаний», то главенствующая концепция глобализации приравняла знание к экономическому ресурсу, превратив его в атрибут рынка. То, что теоретики Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирного банка и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) называют «экономикой знаний», характеризуется коммерциализацией результатов научно-исследовательской деятельности и образования, происходящей на международном уровне. Эта коммерциализация все в большей степени оказывается в руках частных компаний, особенно в Северной Америке и в наименее развитых странах (Латинской Америке и Африке). В Европе, где до настоящего времени такая приватизация была ограничена,

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

традиционные учреждения высшего образования вынуждены перестраиваться в конкурирующие предприятия, которые производят и коммерциализируют знания, а также придерживаться известных и непосредственно применяемых мировым капиталистическим производством норм. Международные рейтинги высших учебных заведений стимулируют и обостряют эту конкуренцию. Подобный ход вещей создает большие различия между учебными заведениями или увеличивает уже существующие. Во главе рейтинга располагаются университеты, которые можно назвать «глобализированными» ввиду их вовлеченности в мировой рынок знаний. В какой-то степени они составляют «Высшую лигу», в которую входят, согласно рейтингу Шанхайского университета Цзяо Тун, 100 лучших университетов, 2/3 которых находятся в англоязычных странах и делят между собой наиболее успешные разработки, отмеченные Нобелевскими премиями. В задачу этих университетов входит формирование бизнес-элит и других руководящих кадров для наших обществ.

Интернационализировать любой ценой

Получение международного признания стало основной заботой учебных заведений. Эта интернационализация достигается разными способами. Университеты и школы стараются набрать, главным образом, иностранных студентов, поскольку доля, которую они составляют от общего количества студентов, характеризует уровень интернационализации. Эту университетскую «клиентуру» составляют, прежде всего, представители новой буржуазии из крупных стран с активно развивающимися экономиками (Китай, Индия, Бразилия). Для достижения этого учебные заведения адаптируют свои образовательные программы или специально создают «международные» образовательные программы. Европейская интеграция в области высшего образования, именуемая «Болонским процессом», создала эту интернационализацию путем стандартизации учебных степеней по трем уровням, в соответствии с американской «моделью»: бакалавриат, магистратура, докторантура, и устанавливая общую, повсеместно признаваемую систему кредитов. Участие в международных обменных программах, вроде программы «Эразмус», нацеленных на повышение студенческой мобильности, служит обычным дополнением к этой цели. Применяются и другие способы, в частности, учебными заведениями, стремящимися к

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

достижению высокого уровня интернационализации. Они начинают участвовать в совместных учебных программах с университетами из разных стран. Европейская программа «Эразмус Мундус» была задумана для поощрения подобных шагов, и участие в ней также является одним из критериев интернационализации. Университеты создают специальности за рубежом, даже филиалы в основном в рамках «совместных предприятий», межвузовского сотрудничества с местными университетами. Эта стратегия пользуется все большей популярностью не только у американских и английских университетов, но также и у французских, и немецких высших учебных заведений.

Естественно, этот процесс затрагивает множество вопросов, связанных с языками. Массовым ответом на эти вопросы со стороны университетов и других учебных заведений является использование английского языка в качестве языка-посредника в образовании. В данном исследовании делается попытка описать существование этого явления на европейской территории, а также оценить его воздействие и последствия.

Английский язык как язык-посредник: что это такое?

Английский язык, использующийся в качестве языка-посредника, отличается тем, что он изучается как иностранный язык и используется лицами, для которых он не является родным или основным языком. Он также характеризуется значительной вариативностью форм выражения, обусловленной, главным образом, различиями в уровне владения им. Предложим этот термин в замену термину «lingua franca», который применяется в английском языке, и пытаются заимствовать другие языки. Организации, подобные Британскому Совету, стараются продвигать весомый термин «lingua academica». Мы увидим, что подобная высокая оценка является мало обоснованной.

Возникновение и распространение практики

В Европе

Практика использования английского в качестве языка-посредника в высшем образовании вначале установилась в 90-х гг. в странах Северной Европы и по-прежнему не теряет актуальности. В Нидерландах английский язык включается в учебный процесс со второго года обучения в университете, постепенно занимая в нем все больше места, становясь

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

главенствующим для дипломов высокого уровня [1]. В опросе, проведенном в 2008-2009 гг. для ежедневной общенациональной нидерландской газеты «Эн Эр Сэ Ханделсблад», Марлис Хагерс (Marlies Hagers 2009) [2] отмечает, что в Амстердамском университете 105 из 170 магистерских программ были на английском языке, в Утрехтском университете - 89 из 196. В университете Маастрихта все 46 магистерских программ существуют на английском языке, единственным исключением является магистратура по нидерландскому праву. Проведенное У. Аммоном (U. Ammon) и Дж. Макконелом (G. McConnell) в 2002г. [3] исследование, охватившее 21 страну, показало насколько быстро эта практика распространилась, вслед за Северной Европой, в Германии, Центральной Европе, Франции и Южной Европе. В Германии первый университетский диплом на английском языке появился в 1997г. По мнению авторов исследования, в 2001г. все немецкие университеты включили "англоязычные" дипломы в образовательное предложение. Одиль Шнейдер-Мизони (Odile Schneider-Mizony 2006) [4] отмечает, что Германская служба академических обменов (DAAD) насчитывает 140 университетов, инженерных школ (Fachhochschulen) и высших частных школ, предлагающих в отдельности от 1 до 25 образовательных программ частично или полностью на английском языке. Организации, с интересом наблюдающие и поддерживающие этот процесс англизации, стараются оценить его размах в европейском масштабе. В 2005г. Британский Совет зарегистрировал 1500 магистерских программ на английском языке в Европе. По данным опроса, проведенного в 2007г. по заказу Stifterverband (Wächter/Maiworm, 2007) [5] в 27 европейских странах, насчитывалось 2400 программ на английском языке, из которых 79% составляли магистерские и 16% бакалаврские программы. Согласно данному опросу, их количество увеличилось примерно на треть в промежутке между 2003 и 2008гг. [6]. Таким образом, Болонский процесс, возможно, усилил это явление или подготовил благодатную почву для его распространения в сфере европейского высшего образования.

Различные доступные наблюдения показывают, что наиболее затронуты инженерные науки, а также школы бизнеса и менеджмента: в опросе 2007г. они представляют, соответственно, 27% и 24% от программ. Университетские специальности, связанные с сильно интернационализированными областями или находящиеся под господствующим американским влиянием, в настоящее время стараются обращаться к использованию английского в качестве языка-посредника. Марк Чесни (Marc Chesney 2009) [7] в

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

исследовании, основанном на репрезентативной выборке из университетов из 6 стран континентальной Европы (Германия, Австрия, Испания, Франция, Италия, Швейцария) показывает, что в областях экономики, финансов и управления большое количество программ полностью перешло на английский язык. Из общего числа 153 зарегистрированных магистерских программ, 44 используют только английский язык, и 31 программа, как правило, временно, является двуязычной (английский плюс национальный язык). Насчитывается лишь 11 магистерских программ исключительно на немецком языке и 10 - на французском, тогда как, согласно выборке, эти два языка должны были бы иметь наивысшее процентное выражение.

И во Франции

Официальное агентство «КампусФранс», ранее называвшееся «Эдюфранс», которое занимается продвижением французского высшего образования за границей, ведет учет образовательных программ, предоставляемых на английском языке высшими учебными заведениями Франции. В списке, составленном агентством в 2007г., их значится 496 [8]. Большинство этих «англоязычных» учебных программ - магистерские (около 80%). Они распределяются между 159 учебными заведениями. Эти высшие школы составляют примерно половину от этого образовательного предложения. По словам председателя конференции высших школ, процитированных газетой «Ле Фигаро» (от 7 октября 2010г.), примерно 80 % учебных курсов в бизнес-школах, 30% в инженерных школах являются англоязычными. Эта практика привлекательна для университетов, стремящихся к международному признанию. Так, на английской версии интернет-сайта [9] Страсбургского университета размещена информация о 10 магистерских программах на 2010-2011 учебный год, созданных полностью или частично на английском языке в различных областях: естественные науки, право, философия, политические науки, международные отношения. Из них четыре полностью на английском, остальные используют английский и французский языки в различных объемах (от 90% - на английском до 90% - на французском). К этому добавляется «*Master in International & European Business*» Школы менеджмента при Страсбургском университете, где преподавание ведется на английском языке, хотя французский язык там тоже

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

присутствует.

Приводимые мотивировки и то, что за ними стоит

Такой подход к языковым вопросам применяется без предварительных исследований, без обсуждений, без принятия во внимание оценок со стороны учебных заведений или компетентных государственных властей, без попыток поиска иных решений. Так же как пятнадцатая аксиома стала объяснением эвклидовой геометрии, использование английского языка стало для университетских властей верным волшебным средством любой формы интернационализации. В поддержку выбора в пользу использования английского в качестве языка-посредника появляются более-менее четкие мотивировки, на которые необходимо взглянуть критически.

«Языковые преграды» для интернационализации

Зачастую в качестве аргумента приводится тот факт, что слишком ограниченное распространение за пределами государства национального языка, обычно используемого в образовании, якобы препятствует интернационализации. Особенно в том, что касается приема иностранных студентов и участия в обменных программах.

Действительно, в условиях конкуренции в заведомо выигрышном положении находятся те страны, языки которых имеют широкое распространение. Тем более что некоторые из них, как, например, Великобритания или Франция, обладают первенством в сфере приема иностранных студентов. Во всяком случае, этот аргумент был решающим при создании программы «Эразмус». В то время у университетов Северной Европы были опасения, что участие в ней сведет их роль к поставке студентов для британских, французских и испанских университетов, лишив возможности принимать их самим. И тогда идея использования в образовании английского языка в качестве языка-посредника представлялась чудесным решением. Северному примеру последовали почти повсеместно. Можно считать, что в Европе «Эразмус» сыграл решающую роль во внедрении этой практики в университетской среде (Truchot 2008 [10]). Однако аргумент о языковой преграде заслуживает критики в свой адрес. Пример Норвегии, где образовательные программы на английском получили хорошее

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

развитие, показал, что половина студентов предпочли образовательные программы на норвежском языке [11]. При том, что на данном языке разговаривают лишь около 4,7 млн. человек, и он имеет целых две официальные формы (букмол и нюношк). Почему же то, что возможно для одних, невозможно для других? **Интеграция в местную языковую среду могла бы быть упрощена с помощью проведения надлежащей политики** (здесь и далее жирный шрифт автора - Прим. перев.). Резонно было бы предположить, что Еврокомиссия, при создании программы «Эразмус», дополнила ее соответствующей поддержкой языкового образования студентов, направленного в особенности на изучение языков, называемых на европейском жаргоне «modimes» (языков средней степени распространения и преподавания). Однако эта поддержка была недостаточной. Исходя из данных, распространявшихся Еврокомиссией с 2000 по 2003 гг., 3632 студента получили языковое образование за счет европейских кредитов [12]. При том, что количество студентов, участвовавших в обменных программах «Эразмус» за этот период составило около 400 000 человек, что наводит на мысль о намеренном выборе, сделанном в пользу английского языка, в чем мы убедимся, и о снятии с повестки дня поиска иных решений.

Мобильность... на месте

Принцип, по которому мобильность в высшем образовании имеет поистине образующую ценность, составляет образующую традицию университета. Мобильность позволяет сталкиваться с различиями, с разными культурами, историческими процессами, стилями мышления, цивилизациями. Проблема заключается в том, что специальности на английском языке не были задуманы для различий. Они не только используют один и тот же язык, но и дают одинаковые знания, основанные на одних и тех же отсылках, которые, в свою очередь, тоже созданы на одном языке, господствующем в распространении результатов научно-исследовательской деятельности. Все они основаны на одинаковых, созданных в американских или англоязычных университетах, моделях, которые поистине чарующе действуют на представителей политических и университетских властей в Европе. В самом деле, местным студентам предоставляется возможность получать образование по этим унифицированным моделям, не покидая страны. В Норвегии, 85% студентов, обучающихся

Traduction vers le russe par Natalia Baladina
на англоязычных специальностях - норвежцы.

К счастью, существуют представители университетской среды, предупреждающие о грядущих негативных последствиях, вызванных **нивелирующей унификацией**, как то исчезновение разных стилей мышления, авторитетных авторов, которые писали на других языках, внося вклад в создание учебных дисциплин. Нет уверенности в том, что преподавание истории на международном английском языке опирается, например, на работы Марка Блока и Люсьена Февра из Школы "Анналов", внесших большой вклад в историческую науку, тем более что их подход к истории экономики мало совпадает с господствующей в настоящий момент идеологией.

«Brain gain vs brain drain»?

Аргумент, выражаемый посредством данной словесной формулы, состоит в том, что образование на английском языке может способствовать притоку в страну блестящих умов и предотвращению утечки мозгов, что зачастую оказывается далеким от истины. Это подтверждает Жан-Клод Юзюнье (Jean-Claude Usunier), подробно изучивший вопрос использования английского языка на факультете «Высших коммерческих исследований» университета Лозанны (2009) [13]. Набору иностранных студентов там отдается первостепенное значение, и они же служат главным оправданием выбора в качестве языка обучения «lingua franca», навязанный руководством. Однако многие студенты происходят из стран, имеющих, как правило, слабый уровень образования, в частности, в области иностранных языков. Их знание английского языка является во многом для них помехой, недостаточное овладение знаниями обуславливает неудачи. Некоторые письменные работы порою не поддаются расшифровке и требуют привлечения нескольких корректоров. Уровень этих иностранных студентов в среднем ниже уровня местных студентов, которые продвигались бы в учебе легче, будь она на французском языке, на котором они были сформированы и воспитаны.

Эти специальности также не препятствуют утечке мозгов. Учитывая главенствующее положение в товаризации «образовательных услуг» университетов из англоязычных стран, последние привлекают, в первую очередь, лучших студентов, или тех, кто лучше владеет

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

английским языком. В любом случае, склонность материковых университетов к следованию англоязычным моделям приводит главным образом к тому, что убеждает студентов, обладающих интеллектуальными и в особенности экономическими средствами, что лучше обратиться к оригиналу, нежели довольствоваться копией.

Английский язык = интернационализация?

На самом деле, поборники использования английского языка в роли языка-посредника в образовании выдвигают, в качестве основной, мотивировку идеологического порядка: она состоит в убежденности в том, что интернационализация может происходить только посредством английского языка. Использование английского в Северной Европе вскоре оказалось не способом преодоления трудностей, но насущной потребностью, присоединением к модели того, чем должна быть интернационализация высшего образования. Именно приобщение к этой модели вполне объясняет распространение образования на английском языке как языке-посреднике в странах, имеющих широко распространенные языки: в Германии, Франции, Испании. И тем более в других странах. В шведском законе от 2005 года «Новый мир - новый университет» прямо говорится: «Препятствия к интернационализации должны быть устранены, как в Швеции, так и в международном масштабе» [14]. Это предписание дает полное право университетским властям устранить шведский язык, если он расценивается ими как препятствие.

Убеждение, что интернационализация может происходить только посредством английского языка, включается во все штампы, коими отличаются неолиберальные речи на тему высшего образования. О. Шнейдер-Мизони (O. Schneider-Mizony) (2006) пошатнула их позиции в исследовании речи, произнесенной в Германии в защиту создания англоязычных специальностей (Englischsprachige Studiengänge или ES): участвовать в активной научной работе, объединиться с передовой частью научного мира, принадлежать к числу активных действующих лиц. Все это сочетается с верой в актуальный характер английского языка, с верностью англо-саксонским культурным моделям. Эти речи ниспровергает реально существующее положение дел. Когда иностранных студентов спрашивают, почему они выбрали специальности ES, они отвечают, что не смогли поступить в американский университет. Что касается рынка труда в Германии, то до сего времени он не отдавал особого предпочтения этим специальностям.

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

Образование на английском языке как языке-посреднике: качество под вопросом

К этому стоит добавить тот факт, что «англоязычные» специальности, дипломы которых относятся, в основном, к высокому уровню, являются, на самом деле, неполноценным образованием. Они держатся на подобии постулата, согласно которому с «lingua franca» можно обращаться также как с любым другим языком, на котором человек был сформирован и воспитан, и что эта постулированная способность применима к передаче и получению знаний. Это представление о том, что значит владеть языком, теряет устойчивость, если взглянуть на происходящее на практике, т.е. на качество передачи знаний преподавателями, на способность студентов к овладению знаниями и к выражению своих мыслей, особенно в письменной форме, а также на проблематичность оценки знаний в подобных обстоятельствах.

Английский язык преподавателей

Языковой уровень преподавателей очень неоднороден. Учебные заведения стараются нанимать на работу носителей языка. Но англоязычные университетские преподаватели высокого уровня не делают карьеру в университетах континентальной Европы. Эти университеты нанимают работников уровнем ниже, рискуя предпочесть языковую компетенцию англоязычного кандидата научной квалификации кандидата из числа коренных жителей. За отсутствием носителей языка, университеты обращаются к преподавателям, чей уровень владения английским языком считается достаточным, опять-таки рискуя предпочесть языковую компетенцию. Но лишь немногие преподаватели владеют иностранным языком в степени, достаточной для осуществления научной, учебной и межличностной коммуникации, необходимой для полноценного выполнения их профессиональных обязанностей. Именно это отражено в актах, составленных на основе данных из североевропейских университетов, тем более показательных, что в этих странах общий уровень владения английским языком считается более высоким, чем в остальной Европе, и, в частности, во Франции. Разумеется, многие преподаватели разговаривают во время занятий на английском, который наблюдатели оценивают как «правильный». Что

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

подтверждает Бейса Бьёкман Beysa Björkman (2008) [15] в исследовании, посвященном английскому языку, используемому в шведском техническом университете. Тем не менее, отмечается, что английский язык, используемый преподавателями, не лишен неточных или ошибочных форм. В опросе, который проводился в нидерландских университетах, осуществляющих преподавание на английском языке, Марлис Хагерс (2009) также признает наличие правильности речи, однако, все опрошенные им преподаватели констатировали свою неудовлетворенность и наличие рамок в **устоявшемся и застывшем действии, заключающемся не в том, чтобы говорить, но в том, чтобы озвучивать написанное.** Ни один преподаватель, достойный этого звания, не станет проводить подобным образом занятия на своем родном или привычном языке. Если он хорошо владеет предметом, он подстраивает его под аудиторию, старается завладеть ее вниманием, при необходимости импровизирует, вставляет второстепенные детали для усиления интереса. Немногие преподаватели способны на такое, используя иностранный язык. Кроме того, даже в тех регионах, где уровень знания английского считается высоким, нередки случаи неточного употребления языка. Хагерс отмечает, что в университете Гилбурга, где качество владения английским языком входит в оценку преподавания, студенты относятся зачастую критично и даже язвительно к уровню английского языка их преподавателей. Таким образом, использование языка-посредника воздействует негативным образом не только на педагогический процесс, но и на отношения между преподавателями и студентами.

В странах, где знание и практика английского языка развиты в меньшей мере, помощь преподавателям «англоязычных» специальностей зачастую выражается в нескольких сотнях часов изучения и практики, позволяющих овладеть неточным языком, назвать который «английским» было бы преувеличением - уместнее квалифицировать его как «**globish**». При приеме на работу университеты чаще всего полагаются на публикации кандидатов на английском языке. Но практически во всех случаях тексты для публикации были подвергнуты поправкам и переработке, и не отражают уровень владения английским языком своих авторов. Однако речь идет об учебных программах, которые проводятся главным образом на «globish», получают международное признание, кажущееся единственной гарантией английского языка, по мнению научных руководителей и признанных оценщиков высшего образования.

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

Английский язык и приобретение знаний

При приеме студентов, учебные заведения излагают обязательные требования к уровню знания языка обучения, обычно оцениваемого через тест. Для поступления в некоторые из зарегистрированных в «КампусФранс» учебные заведения требуется набрать 750 баллов за TOEIC или 500 баллов за TOEFL [16]. Что соответствует примерно уровню B1 – пороговому уровню «Общеввропейской компетенции владения иностранными языками», разработанной Советом Европы [17]. Но требования могут быть и более низкими. Кроме того, нам не известно, придерживаются ли данных норм. Единственное доступное нам исследование по языковым требованиям, касается Колледжа Европы в Брюгге, который выдает дипломы по «Европейским исследованиям» и готовит большую часть кадров для европейских институтов. Языками-посредниками в образовании являются английский и французский, при этом для одного языка требуется уровень B2, для другого - уровень A2. В конце учебного цикла 80% студентов, имеющих иной язык в качестве родного, заявляют о достижении ими уровня C1 или более высокого уровня по английскому, а 55% заявляют то же в отношении французского языка. (Malasek, 2010) [18]. Однако их действительные уровни не проверены, и исследование довольствуется изложением подобных заявлений. Между тем, сведения об их фактическом уровне владения языками были бы чрезвычайно полезны для сравнений между этим престижным заведением, набирающим студентов для обучения на уровень магистра и предоставляющим в их распоряжение значительные средства, а также другими учебными заведениями, вводящими в настоящий момент использование языков-посредников.

Мы начали располагать наблюдениями об уровне и практике студентов, обучающихся на англоязычных специальностях. В исследовании, касающемся шведского технического университета, Бейса Бьекман (2008) описала особенности английского языка, на котором общаются между собой преподаватели и студенты. Из него следует, что речь идет не о стандартном, а об упрощенном и неточном, хотя и по-прежнему функциональном, английском языке, иными словами, о «globish», многочисленные примеры которого приводит автор. Она также вполне справедливо отмечает, что, если ей удалось составить представление о коммуникативных стратегиях, используемых студентами для того, чтобы их поняли, то она не смогла исследовать того, что они не смогли сказать. Неясным остается вопрос перехода от устной к письменной форме, и то, насколько студенты будут способны письменно

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

выражаться на английском в будущем, работая в компании, если учитывать важность тамошней письменной коммуникации, которую показали исследования, посвященные языковой части в трудовой деятельности (Boutet, 2009) [19]. Действительно, на практике использование английского в качестве языка-посредника показывает свою ограниченность перед лицом требований коммуникации, особенно когда речь заходит о не просто идеологических или социальных ставках (Truchot, 2009) [20].

Министр образования Швеции заявил в преамбуле к закону «Новый мир - новый университет» от 2005г.: «Задача правительства состоит в том, чтобы Швеция стала передовой нацией в области знаний [21]». Если он желает достигнуть этой цели, прибегая к помощи образовательных программ на английском языке как языке-посреднике, его надежды могут не оправдаться.

Что же тогда говорить о подобном типе образования в других частях Европы? Признание разрыва между уровнем владения английским языком в этих странах и в странах Северной Европы подталкивают их к попытке его сокращения. Для некоторых это становится политическим приоритетом. Относительно Италии, вспомним лозунг С. Берлускони времен его избирательной кампании 2002 года: «Impresa ! Internet ! Inglese !» Во Франции, в сборник деклараций выразителей подобных идей можно включить следующее указание из доклада Аттали (2008) [22]: «Приложить усилия к тому, чтобы каждый учащийся к окончанию 6 класса владел французским языком, чтением, счетом, групповой работой, английским языком, информатикой и экономикой». Но никто не задается вопросом относительно средств, которые необходимо выделить общественной политике на эти цели, что странно в обстановке, когда умеренность в проведении общественной политики возведена в ранг общественной модели, и, соответственно, идет сокращение расходов на образование.

В рамках интернационализации с человеческим лицом, следовало бы в большей степени ценить дипломы на местном языке, предоставлять иностранным студентам соответствующее языковое образование, которому бы способствовало их погружение в естественную языковую среду. **Глубокое и разнообразное знание иностранных языков, полученное через обучение, хорошо продуманную мобильность, и даже разумное использование иностранных языков в качестве языков-посредников, обеспечило бы диплому выход на международный уровень. Возможен иной подход к языкам. К сожалению, при нынешнем**

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

виде интернационализации высшего образования главенствует не этот альтернативный подход. В конечном счете, в ущерб университетскому образованию.

* Почетный профессор Страсбургского университета, специалист по английскому языку и литературе, социолингвист - Клод Трюшо посвятил свои работы наблюдению за современными процессами развития языков (языковые последствия глобализации, обращение с языками на предприятиях, распространение английского языка в мировом масштабе), языковой геополитике в Европе, теоретико-методологическому подходу к языковым политикам.

[1] Источник: Union de la langue néerlandaise, : www.taalunie.org

[2] HAGERS Marlies (2009) « The Globalization of College, English takes over at Dutch Universities », NRC Handelsblad, 20 mars 2009, www.nrc.nl

[3] AMMON Ulrich / McCONNELL Grant (2002) English as an Academic Language in Europe, Frankfurt am Main , Peter Lang.

[4] SCHNEIDER-MIZONY Odile (2006) « L'anglicisation de l'enseignement supérieur en Allemagne et ses discours de justification », Nancy : Les nouveaux cahiers d'allemand, pp. 331-347.

[5] WÄCHTER B./ MAIWORM F., 2008, English-taught Programs in European Higher Education, Bonn : Lemmens. Stifterverband - немецкий фонд, финансируемый компаниями и предпринимателями для участия в науке и университетском образовании, www.stifterverband.de/

[6] Odile Schneider-Mizony (2006) призывает с осторожностью относиться к данным, полученным в ходе этого опроса, поскольку «они основаны исключительно на заявлениях, сделанных опрошенными лицами, которые, к тому же являются руководителями проектов этих учебных курсов как финансовой, так и символической направленности».

[7] CHESNEY Marc (2009) « Enjeux et conséquences de l'utilisation de l'anglais pour les études d'économie et de gestion à l'université » Colloque Le français dans l'enseignement supérieur et la recherche, université de Genève, 18 mars 2009.

[8] «КампусФранс» : www.campusfrance.org

[9] Страсбургский университет: www.unistra.fr/en

[10] TRUCHOT Claude (2008) Europe : l'enjeu linguistique, Paris : La Documentation française, Collection Les études, 160 pages.

[11] Согласно исследованию, проведенному в 2009г. официальным исследовательским институтом Nifu-Step (<http://www.nifustep.no>) по просьбе Совета языков (Språkrådet).

[12] Источник : Portail Europa <http://europa.eu/languages/>

[13] USUNIER Jean-Claude (2009) "Un plurilinguisme pragmatique face au mythe de l'anglais lingua franca de l'enseignement supérieur", Colloque Les enjeux du plurilinguisme pour la construction des savoirs, 12-13 novembre 2009, Berne.

Traduction vers le russe par Natalia Baladina

- [14] New world – New university. A summary of Government Bill 2004/2005 : 162, p. 9
« Obstacles to internationalisation must be eliminated, in Sweden and internationally. » (trad.Cl.T)
- [15] BJÖRKMAN Beysa (2008) “So where we are : Spoken lingua franca English at a Swedish technical university”, *English today*, 24 (2) pp. 11-17.
- [16] TOEFL, Test of English as a Foreign Language, платный тест, созданный частной американской организацией, используемый в англоязычных университетах при приеме иностранных студентов, а также в разных частях мира в университетах и компаниях. TOEIC, Test of English for International Communication, созданный той же частной организацией (Education testing service), ориентированный скорее на использование в компаниях.
- [17] Согласно определению, данному Советом Европы, «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (CECR), принятые в 2001г., описывают подробно те знания, которыми должны обладать изучающие язык лица для того, чтобы вступать в коммуникацию и «действовать вместе с языком». Языковые знания подразделяются на шесть уровней: A1, элементарный уровень, A2, B1, соответствующий пороговому уровню, B2, C1, C2, наиболее продвинутый.
- [18] MALACEK Klaus, (2010), “Language use of the students of the College of Europe”, in *Langues et construction européenne, Cahiers du Collège d’Europe*, Bruxelles : Peter Lang, pp. 211-236. Колледж Европы: <http://www.coleurop.be/>
- [19] BOUTET Josiane, (2005), « Au coeur de la nouvelle économie, l’activité langagière, » *Sociolinguistica*, Volume 19, pp. 13-21.
- [20] TRUCHOT Claude (2009, ed.) *Sprachwahl in Europäischen Unternehmen/Language choice in European companies/ Choix linguistiques dans les entreprises en Europe*, *Sociolinguistica*, Vol. 23/2009, Tübingen : De Gruyter Verlag.
- [21] « The Government’s goal is for Sweden to be a leading knowledge Nation » (p.9).
- [22] *Rapport de la commission pour la libération de la croissance française*, Paris : La documentation française, 2008.
-